

И.И. СТЕПАНОВ

**ЧТО ТАКОЕ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ?**

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

И.И. СТЕПАНОВ — СКВОРЦОВ

ЧТО ТАКОЕ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ?

НАУКА МАРКСИЗМ

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

I.....	3
II.....	9
III.....	17
IV.....	27
V.....	35
VI.....	43

ДОКЛАД И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА *

Покровский, М. Н.

Заседание Коммунистической Академии объявлено открытым. Слово для доклада имеет тов. Степанов.

Степанов-Скворцов, И. И.

I.

В чем задача политической экономии?

Мы, марксисты, не поддаемся иллюзиям «чистой» науки, мы никогда не забываем, что во всякую историческую эпоху теория получает свои задания от практики. Поэтому мы без всяких колебаний и, вероятно, с полным единодушным ответом, не огорчаясь некоторой элементарностью предварительного ответа: задача *современной* политической экономии, или, — что то же самое, так как только марксистская экономия и является для настоящей эпохи наукой, — задача *марксистской* политической экономии заключается в познании *экономики современного общества*.

Под каким углом революционный марксист изучает современную экономику?

«Для *практического* материалиста, т. е. для коммуниста, Дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их, и изменить их» **

* Заслушан 31.01.1925 г.

** К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология — «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, стр. 217. Д. Б. Рязанову принадлежит великая заслуга, что он раскопал и напечатал эту замечательнейшую работу, которая дает поразительно много для марксистской методологии.

Или, как выражается Маркс в другом месте: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, *не идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *реальное движение*, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь налицо в действительности предпосылок» («Архив» стр. 223).

Итак, наша политическая экономия изучает вещи (конечно, не «вещи» вообще, а «экономические вещи»), как она застаёт их, и тем самым раскрывает имеющиеся теперь в действительности предпосылки того реального движения, которое уничтожает современную экономику.

Почти через 25 лет, в 1868 г., когда I том «Капитала» уже вышел из печати и когда была подготовлена значительная часть рукописей следующих томов, Маркс писал Энгельсу:

«Случайно я нашел в одной маленькой антикварной лавочке *Report and Evidence of Irish tenant right 1867*. Это — замечательная находка. В то время как господа экономисты видят чисто теоретический спор (Dogmenstreit, спор догм) в вопросе о том, представляет ли земельная рента плату за природные различия почвы или же просто процент за вложенный в землю капитал, мы имеем здесь перед собою практическую борьбу не на живот, а на смерть между арендатором и лэндлордом: в *какой мере* рента *кроме* платы за различия почвы должна заключать и проценты на капитал, вложенный в землю не лэндлордом, а арендатором. *Только таким способом, что на место conflicting dogmas* (спора, столкновения догм, теорий) *мы поставим conflicting facts* (спор, столкновения фактов, «вещей», действительных отношений) *и реальные противоположности, которые составляют их скрытую подоплеку, можно превратить политическую экономию в положительную науку*» («Briefwechsel», IV B., стр. 99).

Это — то же самое, что Маркс писал в половине 40-х годов: предмет политической экономии, как положительной науки (а неположительная наука вообще не наука), — реальные экономические отношения, «как она застаёт их», т. е. *экономика, существующая в действительности, современная экономика*.

Но что такое «вещи, как мы застаём их», что такое «современная экономика»?

В марте 1868 г. Маркс занялся «между прочим» работами «старика Маурера» о древне-германских учреждениях (строй марки, деревни и т. д.). В связи с этим он писал Энгельсу:

«В человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии. Вещей, которые лежат под самым носом, принципиально, вследствие ослепления известной предвзятостью, не видят даже самые крупные головы. Позже, когда придет время, удивляются, повсюду открывают следы того, чего не замечали раньше. Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: стали все видеть по-средневековому, в романтическом освещении. Вторая реакция — и *она соответствует социалистическому направлению*, хотя те ученые (как Маурер) и не подозревают, что она тесно связана с ним, — состоит в том, чтобы за средневековьем увидеть первобытную эпоху каждого народа. Вот пример, насколько все мы ослеплены этой предвзятостью: как раз на моей родине, на Гунсрюккене, древне-германская система сохранялась *до последних* годов» и т.д. («Briefwechsel», IV B., стр. 29. См. также стр. 24. Маурер убедил Маркса, что, вопреки русским народникам, наша община ни в малейшей мере не может претендовать на оригинальность).

Вы думаете, что, сказав «капитализм», вы исчерпали всю современную экономику? Нет, в ней до сих пор живет еще и средневековье, а если приглядитесь к ней повнимательнее, то за средневековьем откроете и первобытные времена. И, во всяком случае, «вещи» в современном мире, как их застают революция, получают неполную, искаженную характеристику, если вы увидите в них «чистый капитализм» и вследствие ослепления предвзятостью запросто сбросите со счетов, что на ряду с ним сохраняется еще — и в каких громадных размерах! — и «средневековщина», «феодализм». Перешагнуть через «средневековщину» вы можете только в абстракции, а если попытаете попросту игнорировать в революционной борьбе, в «реальном движении», то будете наказаны «вещами, как вы застаете их», но как вы их не познали по своему ослеплению предвзятостью. Эти вещи активны. Это вам не какая-нибудь палеонтология!

Внимательнейший и строгий теоретический учет всего сложного переплета объективных отношений, лежащий в основе принципиально, классово выдержанной и в то же время гибкой революционной практики, — в этом суть марксизма и ленинизма, в этом прежде всего суть их политической экономии.

Задачами политической экономии, ее соотношением с практикой, само собой разумеется, определяется *ее охват*, а вместе с тем, как увидим ниже, и *ее метод*.

Прежде всего, что касается охвата, на этот счет четверть века тому назад среди нас не существовало никаких разногласий.

Ленин признавал политическую экономию «наукой, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии». Он находил, что эту науку «надо излагать не догматически (как это принято в большинстве учеб-

ников), а в форме характеристики последовательных периодов развития: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма». Он добавляет к этому: «именно так и следует излагать политическую экономию». Но при такой системе изложения приходится дробить один и тот же отдел и впадать в повторения. «Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения. Да и недостаток ли это? Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, например, исторических функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает *учащемуся, что теоретический анализ функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что происходило в историческом развитии человечества* (подчеркнуто, как и ниже, мною. — И. С.). Представление об отдельных, исторически-определенных укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия *о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы*; вся задача состоит в том, чтобы человек, усваивающий себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что *с вопросами экономической науки связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни*» («Мир Божий» 1898 г., № 4, стр. 98 – 99. Рецензия Ленина на первое издание «Краткого курса экономической науки» А. Богданова).

Последние подчеркнутые мною слова — приспособительное к тогдашней беспощадной цензуре выражение той мысли, что в экономической науке мы найдем *теоретическое обоснование революционной борьбы*.

Решительное, принципиальное ограничение политической экономии рамками капиталистических отношений принадлежит в русской литературе прежде всего Туган-Барановскому, который тогда все дальше и дальше шел от марксизма и в своих «Очерках по истории политической экономии», печатавшихся в «Мире Божием» 1901 – 1903 годов, окончательно расстался с ним. Он дал, действительно, принципиальное обоснование своей позиции. Всякая наука должна раскрывать закономерность, причинную необходимость изучаемых ею явлений. А так как, по уверению Туган-Барановского, воля и сознание людей перестают направлять экономические отношения только с того времени, когда все производство подпадает под власть стихийных сил рынка, который действует с неумолимостью законов природы, то собственно экономической науке нечего делать с докапиталистическими системами хозяйства. И при всем том Туган-Барановский продолжал ссылаться на Маркса.

Читатели, вероятно, уже заметили, что некоторые новейшие руководства политэкономии просто повторяют, — возможно без ведома авторов, — изложенную аргументацию Туган-Барановского, нисколько не заботясь о ее подновлении.

По выходе «Очерков» отдельными изданиями, я посвятил им большую статью в московском журнале «Правда» (1904 г., февраль), в редакции которого в то предреволюционное время значительную роль играли большевики, — впрочем, очень быстро вышибленные меньшевиками. Я показал в своей статье, что Туган-Барановский ушел от Маркса к Бюхеру и что он вместе с тем превратился в апологета капитализма. Я показал в то же время, что марксистская политическая экономия не замыкала и не замыкает своего кругозора пределами развитого капитализма, а раздвигает их в ту и другую сторону.

Товарищи, с которыми я говорил тогда об этом предмете, вполне соглашались со мною. Никто не возражал против моих доводов и моей точки зрения.

Я согласен, что отсутствие возражений со стороны товарищей — вовсе не довод. Я охотно допускаю, что они могли не досмотреть моих «уклонов» от Маркса и Энгельса или, в виду важности решительного размежевания с разными Туган-Барановскими, могли просто промолчать.

В виду этого постараемся найти у самого Маркса и Энгельса более или менее систематическое изложение их взглядов на предмет и метод политической экономии. То, что приведено в начале главы, — отдельные мысли, может быть, «случайные» высказывания, не связанные с существом их воззрений.

II.

Прежде всего — «Нищета философии».

Эта работа переиздается у нас сравнительно редко. Изучают ее очень мало. Она нисколько не отразилась на большинстве новейших «марксистских» курсов политической экономии и на статьях, посвященных выяснению предмета и метода этой науки.

По-видимому, по отношению к этой работе установился предрассудок, будто она неспособна дать ничего «нового», так как написана около 80 лет тому назад; поэтому, определяя предмет и метод политической экономии, будет куда поучительнее адресоваться к «современникам», хотя бы к Гильфердингу.

Однако «Нищета философии», как и относящиеся к тем же годам «Коммунистический манифест» и «Немецкая идеология», представляют в известном смысле *программные работы*. В них то широкими мазками, то краткими замечаниями, которые в сороковых годах не могли остановить внимания читателей, то чисто мнемоническими отметками, смысл которых становится нам ясным только в свете позднейших работ, дан своего рода «план» всей будущей колоссальной теоретической работы Маркса и Энгельса. Таким образом, в «Нищете философии» дано уже многое из того, что впоследствии было развито в «Капитале», а в «Немецкой идеологии» и в «Святом семействе» мы находим многие элементы «Анти-Дюринга», «Л. Фейербаха» и «Происхождения семьи, частной собственности и государства».

Только что названные работы — такие же *программные работы* для Маркса и Энгельса, как «Что такое друзья народа...» — *программная работа для Ленина*.

Но Марксу и Энгельсу впоследствии удалось осуществить только некоторую часть своей грандиозной программы научных работ. К некоторым вопросам, поставленным в ранние годы, они вообще не возвращались впоследствии, — или возвращались лишь мимоходом, например, в переписке. Гениальные мысли, которые они с такой расточительностью разбрасывали в своих почти юношеских произведениях, — являющихся, действительно, «программными» и с этой стороны, со стороны «тезисной» сжатости, — так и не получили у них дальнейшего

развития. Многие из них до сих пор ждут разработки.

«Нищета философии» дает наиболее систематическое и обработанное изложение воззрений Маркса на предмет и метод политической экономии. Методология «Капитала» — методология «Нищеты философии». Если бы еще оставались на этот счет какие-нибудь сомнения, мы найдем ряд убедительнейших доказательств, что Маркс и Энгельс до конца своей жизни не видали никаких оснований подвергать пересмотру методологию «Нищеты философии». Да мы отчасти уже и видели эти доказательства, потому что «Нищета философии» делает как нельзя более понятным отношение Маркса к работе Маурера.

Все это — достаточные основания для того, чтобы, рискуя показаться старомодным, обратиться за разрешением некоторых спорных вопросов не к Шумпетеру и даже не к Кунову, а к Марксу сороковых годов прошлого века.

«Экономисты, — пишет Маркс, — представляют отношение буржуазного производства — разделение труда, кредит, деньги и т. д. — в виде неподвижных, неизменных, вечных категорий... Экономисты объясняют нам, как производят при этих данных отношения; но они не объясняют, как производятся сами эти отношения, т. е. *не объясняют исторического движения, вызвавшего их к жизни...* Но раз не проследили *исторического развития производственных отношений*, а категории суть только их теоретическое выражение, то неизбежно перевертывают действительные отношения и начинают видеть в этих категориях самовозникшие идеи (К. Маркс. «Das Elend der Philosophie», Stuttgart 1895, стр. 85 — 86. Отдельные места, как и в дальнейшем, подчеркнуты мною).

В работах сороковых годов под «экономистами» Маркс и Энгельс разумели исключительно *буржуазных экономистов* и обычно противопоставляли им *коммунистов* (и социалистов).

Следовательно, буржуазные экономисты берут сложившиеся отношения капиталистического общества и только ими и ограничивают свое изучение. В противоположность этому, задача коммунистов заключается в том, чтобы выяснить как эти отношения возникли в истории, проследить их историческое развитие. Они должны раздвинуть свой кругозор *за пределы капитализма*.

«Экономические категории, — продолжает Маркс несколькими страницами ниже, — суть теоретические выражения, абстракции общественно-производственных отношений... Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. С приобретением новых производительных сил люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, — способа добывать средства

существования, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает общество с феодалами, паровая мельница — общество с промышленными капиталистами. Но те самые люди, которые складывают общественные отношения сообразно своему способу материального производства, формулируют также и принципы, идеи, категории сообразно своим общественным отношениям. Таким образом, эти идеи, эти категории столь же не вечны, как и отношения, которые они выражают. Они суть *исторические, преходящие продукты*» (стр. 90 – 91. Подчеркнуто у Маркса).

Коммунист должен понять исторический, преходящий характер этих идей и принципов и, конечно, и даже прежде всего, выражаемых ими *производственных отношений*. Такова в глазах Маркса одна из первых задач той экономической науки, которая противопоставляется буржуазной политэкономии.

«Рабство (чернокожих) есть экономическая категория, как всякая другая... Прямое рабство — ось буржуазной промышленности точно так же, как машина, и т. д. Без рабства нет хлопка; без хлопка нет современной промышленности. Только рабство придало колониям их ценность; колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — условия крупной промышленности. Таким образом, *рабство — экономическая категория самой высокой важности*» (93).

Буржуазная экономия говорит об *абстрактном капитализме*, который знает только такие категории, как наемный рабочий, формально свободные договорные отношения, заработная плата и т. д. Маркс напоминает здесь, что для реального капитализма сороковых годов XIX века осью оставалось прямое, ничем не прикрытое рабство и что крупная промышленность тесно связывается своим развитием с колониальным рабством, создавшим необходимые для нее предпосылки. Буржуазная экономия со своими категориями, представляющими абстрактные выражения отношений крупного капиталистического производства, может в своих абстракциях попросту перемахнуть через рабство, — как современная буржуазная экономия отводит глаза и от едва прикрытого колониального рабства, и от перманентного разграбления колоний, которым сильно подкармливается современный капитализм. Но коммунисты не последуют за буржуазной экономией. Они прямо скажут, что рабство и колониальный грабеж — в такой же мере правомерные экономические категории реального, а не «умопостигаемого» капитализма, как «свободный наемный рабочий» и просвещенный биржевик, имеющий дела только с «бумагами».

Критически излагая Прудона, Маркс пишет: «Все, что существует, все, что живет на земле и в воде, существует только, живет только посредством какого-

либо движения. Таким образом, движение истории порождает социальные отношения, промышленное движение дает нам промышленные продукты и т. д.

«Точно так же, как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, — стоит только абстрагироваться от всех отличительных свойств различных движений, и мы придем к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической форме движения. И раз только в логических категориях видят существование всех вещей, то воображают себе, будто в логической форме движения нашли абсолютный метод, который не только объясняет все вещи, но и охватывает движение вещей» (стр. 88) *.

Вот именно! Абстрагируются от исторически развившегося и существующего теперь капитала, построят чисто логические формы капиталистических отношений — и воображают, будто уже получили объяснение всех вещей, как они существуют в действительности, и будто вместе с тем уже охватили экономику и Египта, и Индии, и Китая. И воображают, будто этот абстрактный капитализм сам из себя порождает все движение, будто все его «категории порождают одна другую, переплетаются и соподчиняются друг с другом исключительно в силу диалектического движения» (90).

Это — саморазвитие капитализма без исторических предпосылок, капитализма в абстракции: разумеется, мнимое саморазвитие, саморазвитие, совершающееся в «чистом эфире» абстракции.

Как подходит к делу коммунист?

По Прудону, говорит Маркс, «у каждого принципа был свой век, в котором этот принцип раскрывался. Для принципа власти, например, был XI век, как для принципа индивидуализма XVIII век... Другими словами: принцип делал историю, а не история принцип». Но если мы поставим перед собой вопрос, — продолжает Маркс, — почему же такой-то принцип проявился как раз в XI или XVIII веке, то мы должны будем подробно исследовать, «каковы были люди XI и XVIII столетия, каковы были их потребности в каждом веке, их производительные силы, их способ производства, сырые материалы их производства, каковы, наконец, отношения человека к человеку, вытекавшие из всех этих условий существования. **Выяснить все эти вопросы, не значит ли исследовать действительную обыкновенную** («profane» — можно перевести «греховную»), в противоположность заоблачной истории, совершающейся в «чистом эфире ра-

* Буквально так «воображают себе» и некоторые критики, которые в последнее время занялись моей брошюрой «Исторический материализм и современное естествознание». После моих возражений они стали искать спасения в повороте от Маркса «назад к Гегелю». Впрочем, ими придется заняться в другой раз.

зума») *историю людей каждого столетия, изобразить этих людей в том самом виде, как они являются одновременно авторами и исполнителями своей собственной драмы*» (97 стр.).

Вы хотите знать современный капитализм? Учтите современную технику, учтите мощные монополистические тенденции, учтите получение сырых материалов из колоний и общие отношения к колониям: коротко говоря, внимательнейшим образом изучите весь тот сложный переплет *реальных* отношений, который мы охватываем словом «империализм», — и вы тогда, только тогда, поймете действительную, «греховную» экономику, в которой русский и китаец, англичанин и индус, американец и негр являются одновременно и авторами и исполнителями — да, и исполнителями — своей собственной драмы. Не так ли?

Но как же должны отнестись абстрактные экономисты к тем вещам, которые не укладываются в их нормальные категории и которых они все же не могут не замечать?

«Экономисты оперируют диковинным образом. Для них существует только два вида учреждений, искусственные и естественные. Учреждения феодализма суть искусственные учреждения, учреждения буржуазии — естественные. В этом случае экономисты уподобляются теологам, которые тоже различают два вида религий. Каждая религия, которая не является их собственной, есть изобретение людей, в то время как их собственная — откровение бога» (стр. 104).

Разумеется, современные абстрактные экономисты не говорят о «естественности» и «искусственности». Но не говорят ли они, что впредь возможна только чисто пролетарская революция, и что час для нее пробьет лишь с того времени, когда вся мировая экономика уложится в строгие нормы их абстрактного, нормального, развитого, чистого и чистенького капитализма?

Они, продолжая рассуждения следующих страниц «Нищеты философии», видят в сохраняющихся до настоящего времени колоссальных напластованиях феодальной эпохи только «дурную сторону», только «изъян» современной экономики, и не хотят понять, что на известной ступени развития, при известных предпосылках, эти «изъяны», порочащие чистый лик абстрактного капитализма, могут послужить моментами, толкающими к революционной борьбе и колоссально увеличивающими ее глубину и размах.

Это — то самое, что Ленин называл «условной революционностью мелкого производителя» (см. «Ленинский сборник», II, стр. 82).

Надо ли еще особо пояснять, какая бездонная пропасть пролегает здесь между современными коммунистами и абстрактными экономистами II Интернационала — Куновыми, Реннерами, Гильфердингами?

Пропуская целый ряд чрезвычайно ценных для революционной теории и революционной практики методологических указаний: нельзя же перепечатывать всю вторую главу «Нищеты философии», — я остановлюсь еще только на одном

пункте. Он лишний раз напомнит, что, употребляя выражения Маркса (стр. 121): «формулами еще не создашь никакой истории», — из абстрактных формул экономистов не выведешь ни реальной действительности, ни реального движения. «Рента в смысле Рикардо, — писал Маркс в 1847 году, — есть земельная собственность в ее буржуазной форме: т. е. **феодалная** собственность, подчиненная условиям «буржуазного производства» (стр. 144).

Эту мысль, конечно, в развитой форме, мы встречаем и в позднейших работах Маркса. «Где не существует земельной собственности, — фактически или юридически, — там не может существовать и абсолютной земельной ренты. — Эта последняя, а не дифференциальная рента, является адекватным выражением земельной собственности» («Theorien über den Mehrwert» II B., 2 Th., стр. 108). Поставив вопрос, почему цены земледельческих продуктов не выравниваются по ценам производства, Маркс отвечает: это выравнивание вообще может происходить постольку, **«поскольку все условия производства созданы самим капиталом»**. Что касается земледелия, то здесь существует земельная собственность, «и капиталистическое производство начинает свой жизненный путь при наличности возникшей не из него, сложившейся уже до него земельной собственности» (там же, стр. 14). «Английские отношения — единственные, в которых адекватно развилась современная земельная собственность, т. е. собственность, **модифицированная** капиталистическим производством» (стр. 7). И здесь и во многих других местах Маркс настойчиво разъясняет, что предпосылки для ренты Рикардо существуют только там и постольку, где и постольку капитализм успел модифицировать феодальную собственность, и что, в частности, для нее нет места ни в хозяйстве ирландского арендатора, ни в крестьянском хозяйстве (сравн. «Das Elend der Philosophie», стр. 145–150: они даже теперь очень полезны **наряду с «Theorien»** и III т. «Капитала»).

Получается все тот же вывод: из внутренних отношений самого капитала, — того капитала, как он существует для абстрактных построений абстрактных экономистов, — нельзя объяснить того сложного комплекса отношений современного реального капитализма, который связан с земельной собственностью. Теория реального капитализма должна сделать громадный прорыв в феодальную эпоху, потому что до сих пор сохраняется колоссальный прорыв феодальной эпохи в современный капитализм: до сих пор сохраняется частная земельная собственность, которой капитал не создавал, которую он нашел в качестве своей **исторической предпосылки**.

Правда, буржуазные экономисты, начиная с классиков и кончая новейшими «земельными реформистами» (Bodenreformer), от Генри Джорджа до какого-нибудь Дамашке, заметили, что частная земельная собственность — нечто побочное, постороннее, инородное для буржуазных отношений, искажающее грязным пятном «готического варварства» чистый лик дорогого им капитализма: нечто «искусственное» по сравнению с «естественностью» капитализма.

Коммунисты не остановились на полдороге. Они, проследив развитие капитала — не в абстракциях, кое-где опирающихся на «робинзонады», а в действи-

тельной истории, — показали, что капиталистическая собственность и эксплуатация вообще развились из феодальной собственности и эксплуатации (в частности, уже «Нищета философии» дает в общих очертаниях знаменитые страницы «Капитала» о первоначальном накоплении и исторических тенденциях капиталистического способа производства). Они показали, что развитие капиталистических отношений было *отрицанием* отношений феодализма (различные формы и способы экспроприации непосредственных производителей средневековья), а для земельной собственности оно было всего лишь *приспособлением* к потребностям капитала. Но они показали также, что это приспособление проведено лишь в тех довольно исключительных случаях, где капитал овладел земледелием, подойдя к нему, как к какой-нибудь отрасли промышленности. А наряду с этими островками капиталистического земледелия существует безбрежный океан некапиталистических арендаторов и крестьянских хозяйств, этого наследия тоже *феодальной эпохи*. Коммунисты открыли, что феодализм продолжает существовать и в форме *абсолютной ренты*, которой не знает абстрактная буржуазная экономия, и в виде постоянного урезывания «предпринимательской прибыли» и «заработной платы» мелкого производителя, и во всевозможных способах «внеэкономического» гнета и принуждения.

Надо ли говорить, какое гигантское практическое, революционное значение для коммунистов — здесь прежде всего вспоминается Ленин — приобрело это изучение *реальной* экономики капитализма: того капитализма, как он существует в действительности, а не в «чистом эфире разума»? И надо ли напоминать, что только это теоретическое познание действительного капитализма и сделало возможной принципиальную выдержанность и революционный размах нашей тактики, которая, объединив крестьянство в боевом союзе с пролетариатом, низвержение феодальных пережитков в политическом строе продолжила низвержением феодальной собственности, а ликвидацию феодальной собственности связала с революционным отрицанием капиталистической собственности и социалистическим строительством?

Конечно, без «экономических категорий, представляющих только теоретические выражения, абстракции капиталистических производственных отношений», невозможно было бы то теоретическое познание реального капитализма, которым мы обязаны Марксу и Ленину. Но экономические категории абстрактного капитализма послужили для них только *ключом*, необходимым для расшифрования фактических отношений.

Экономические категории чистого капитализма составляют орудие, но отнюдь не все содержание марксистской политической экономии.

Не скажут ли нам, что задача экономической науки или теоретической экономики, целиком исчерпывается отыскиванием ключа и кончается, как только этот ключ начинают применять к экономическому познанию действительности? И не скажут ли нам, что самое выковывание этого ключа идет в кузнице, в которой обрабатывают действительность, вышелушенную от всякого реального содержания, превращенную в пустые, бесплотные, но и бесплодные абстракции? Но уж

не придется ли в таком случае признать, что в настоящее время попытки построить политическую экономию, не роняющую достоинства теоретической науки, мы находим только у рыцарей предельной полезности, этой прекрасной дамы, которая, обитая в «чистом эфире разума», остается незапятнанной соприкосновением с шумом и грохотом, грязью и кровью, грандиозными преступлениями империалистических войн и повседневным грабежом, и мошенничеством на всех «цветных» континентах и островах? Однако тот ключ, с которым красуются рыцари этой дамы, — не ключ к расшифровке этой действительности, а всего лишь ключ, который, непригодный ни для какого практического употребления, имеет одно предназначение: служит украшением для камердинеров буржуазии, когда они с расширением ее придворных штатов переименовываются в камергеров.

III.

«Анти-Дюринг» Энгельса в известном смысле является подведением общих итогов почти сорокалетней совместной революционной борьбы и работы Маркса и Энгельса. Эти итоги подводились Энгельсом в постоянном контакте с Марксом, о чем теперь свидетельствует их переписка («Briefwechsel»). Тем бóльшую ценность имеют в наших глазах страницы, посвященные Энгельсом задачам и методологии политической экономии. Нас нисколько не удручает ни тот факт, что эти страницы написаны почти сорок лет тому назад, ни тот факт, что они как будто совершенно игнорируются в большинстве новейших руководств политической экономии, хотя это не мешает их авторам упорно рекомендовать свои руководства, как выдержанно марксистские.

В самом деле, для меня представляется загадкой, каким образом авторы — марксисты, недавно выступившие с очень претенциозными статьями по методологии политэкономии, обошли полным молчанием книгу Энгельса. Разгадка может быть только одна: или они просто «забыли» об этой книге, что было бы очень странно для марксистских теоретиков, — или же с самого начала поняли, что им пришлось бы направить свои критические замечания непосредственно и почти полностью против Энгельса. А на это они, по понятным причинам, не могли пойти.

Второй отдел «Анти-Дюринга» носит название «*Политическая экономия*» и открывается главой «*Предмет и метод*». Первые же шесть страничек (F. Engels, «Dührings Umwälzung der Wissenschaft», Stuttgart 1904, стр. 149–154) дают по этим вопросам ясный, простой, отчетливый ответ, не оставляющий, казалось бы, возможности никаких вывертов, увиливаний и лицемерных истолкований. Хотя, впрочем, как показывает практика, при известном желании от Энгельса можно уйти к Гегелю, — и мало ли еще куда можно уйти.

«Политическая экономия, в широком смысле. — начинает Энгельс, — есть наука о законах, подчиняющих производство и обмен материальных средств существования в человеческом обществе».

«Условия, при которых люди производят и обмениваются, — продолжает Энгельс, — изменяются от страны к стране, и в каждой стране — из поколения в поколение. Следовательно, политическая экономия не может оставаться одной и той же для всех стран и для всех исторических эпох».

Нам настойчиво повторяют в последнее время, что политическая экономия может возвыситься до уровня науки лишь постольку, поскольку она ограничивается выяснением экономических закономерностей капиталистического общества. Нет, — говорит Энгельс, — эта наука, оставаясь наукой, изучает законы, управляющие производством и обменом и в других странах, и в другие эпохи, кроме капиталистических. Он поясняет свою мысль следующим образом:

«От лука и стрелы, от каменного ножа и наблюдающегося только в виде исключения обмена у дикаря до паровой машины в тысячу лошадиных сил, до механического ткацкого станка, железных дорог и Английского банка — чудовищное расстояние. Огнеземельцы далеки от массового производства и мировой торговли, как далеки от бронзовых векселей и биржевых крахов». Но значит ли это, что экономической науке нечего делать с огнеземельцами? Нет, из этого получается более сложный вывод:

«Кто захотел бы подвести экономику Огненной земли под одни и те же законы с современной Англией, тот, очевидно, не мог бы преподнести ничего иного, кроме самого банального общего места. Таким образом, политическая экономия есть существенно *историческая* (подчеркнуто у Энгельса) наука. Она *изучает историческую*, т. е. *постоянно меняющуюся материю* (подчеркнуто мною, как и в дальнейшем, где нет особых оговорок. — И. С.). Она исследует сначала особенные законы каждой отдельной ступени в развитии производства и обмена и, лишь завершив это исследование, может указать немногие совсем общие законы, относящиеся к производству и обмену вообще. Однако при этом само собой разумеется, что законы, относящиеся к определенным способам производства и формам обмена, остаются в силе и для всех периодов истории, которым общи эти способы производства и формы обмена. Так, например, с введением металлических денег вступает в действие ряд законов, относящихся ко всем странам и отделам истории, где обмен обслуживается металлическими деньгами».

Итак, политическая экономия — *историческая* наука, которая, далекая от ограничения себя эпохой и странами капитализма, изучает «историческую материю» и, исследуя особые законы отдельных периодов развития, не отказывается и от выяснения некоторых общих экономических закономерностей.

Кто не вспомнит в связи с этой страничкой известного замечания Маркса (в I т. «Капитала»), что каждая историческая эпоха имеет свой особый закон населения? Не следует ли теперь вставить к этому месту такое примечание: но было бы умалением теоретического достоинства политической экономии, если бы она увидела свою задачу в установлении закона (или законов) населения для докапиталистических эпох.

Энгельс показывает, как применяются эти общие методологические указания.

«Вместе со способом производства и обмена определенного исторического общества и *с историческими предпосылками* этого общества дан в то же время и способ распределения продуктов».

Я преднамеренно подчеркнул слова: «*историческими предпосылками*». Для абстрактного экономиста, который принципиально не хочет ничего знать и видеть, кроме капиталистических отношений, распределительные отношения капиталистической эпохи целиком определяются капиталистическим способом производства и обмена. Неправда! — говорит Энгельс. Вы проглядели чрезвычайно важный *соопределяющий* момент распределения в капиталистическом обществе. Вы забыли, что капиталистическое общество вышло из *феодализма*. И этот прыжок через исторические предпосылки отрезывает путь к познанию не только деревенских отношений, но и исторического развития рабочего класса и его современного положения. А после работ Ленина мы еще добавим, что это забвение «исторических предпосылок» современного капитализма сделало бы нас слепыми к тому, насколько естественным, насколько экономически обоснованным является революционный союз пролетариата и крестьянства. Феодализм давит рабочего не только политически, но и экономически. Через остатки феодальных отношений — и какие громадные остатки! — «мертвый хватает живого» не только в земледелии, но и в промышленности.

«В родовой или деревенской общине, — продолжает Энгельс, — с общей земельной собственностью, с которой — или с весьма заметными остатками которой — все культурные народы вступают в историю, довольно равномерное распределение продуктов разумеется само собою; там, где выступает значительное неравенство в распределении между членами, оно является уже симптомом начавшегося разложения общины. Крупное, как и мелкое, земледелие, в зависимости от исторических предпосылок (опять эти «исторические предпосылки»! — *И. С.*), из которых они развились, допускают очень различные формы распределения. Но ясно, что крупное земледелие всегда обуславливает совершенно иное

распределение, чем мелкое; что крупное предполагает или порождает классовую противоположенность: рабовладельцев и рабов, сеньеров и барщинных крестьян, капиталистов и наемных рабочих, между тем как мелкое земледелие отнюдь не обуславливает классовых различий среди лиц, «занятых в земледельческом производстве, и, наоборот, простая наличность этих различий свидетельствует о начавшемся разложении парцеллярного хозяйства... Введение и распространение металлических денег в стране, в которой до того времени существовало исключительно или преобладающе натуральное хозяйство, всегда связано с более или менее медленным или быстрым переворотом в существовавшем до того времени распределении, а именно, с все усиливающимся ростом неравенства распределения между отдельными лицами, противоположности богатых и бедных. Локальное, цеховое ремесленное производство средних веков делало невозможным появление крупных капиталистов и пожизненных наемных рабочих» и т. д.

Мы видим, что Энгельс бегло наметил целый ряд экономических законов, устанавливаемых изучением самых разнообразных общественно-экономических формаций. И он прямо указывает, что выяснение этих законов входит в задачи политической экономии.

Конечно, если бы это изучение прошлой экономики, «доисторической» по отношению к капитализму, имело только одно окончательное предназначение: раскрыть те немногие, совершенно всеобщие законы, действие которых можно наблюдать во всех общественно-экономических формациях — можно было бы по справедливости усомниться в плодотворности такой науки, которая хочет сочетать абстрактность с историчностью. Здесь с исследователем случилось бы одно из двух: или вместо общих закономерностей, — раскрытие которых можно отнести к задачам исторического материализма, который таким образом диалектически переплетается с политической экономией, — он начал бы преподносить пустые общие места; или же от отчаянности он стер бы, отбросил бы то особенное, конкретное, качественно отличное, что отделяет прошлые экономические эпохи от капиталистической эпохи, и пошел бы по тропинке, давно проторенной буржуазными исследователями: открыл бы частную собственность у обезьяноподобного предка человека, нашел бы «мировую торговлю» в древнем Перу, разукрасил бы древний Рим всеми красками капиталистического общества.

Абстрактные экономисты органически не в состоянии понять, что для марксистской политической экономии ценно не только то, что *обще* всем экономическим эпохам, но и то, что отличает одну эпоху от другой. Теоретическое познание ремесленной эпохи промышленности, раскрытие условий, при которых существовало ремесло, уже само по себе делает понятными судьбы ремесла в эпохи торгового и промышленного капитала и вместе с тем бросает яркий свет

на многие явления в мелком земледельческом производстве капиталистической эпохи. Изучение родовой и деревенской общины средневековья и установление хотя бы тех закономерностей, на которые так кратко намекает Энгельс в только что приведенной цитате, делает возможным освобождение от народнических иллюзий.

Марксистская экономическая теория стремится, в противоположность буржуазной, не консервировать существующее, а видит свою задачу в том, чтобы в самой действительности раскрыть условия движения, переворота. Не ясно ли, что, если мы найдем только определения, общие для современной и древнейшей эпохи, мы тем самым абстрагируемся от всякого движения? Через конкретное, через то, что *отличает одну эпоху от другой*, мы познаем движение и железную необходимость движения. «Определения, относящиеся к производству вообще, должны быть расчленены, чтобы из-за единства не были забыты существенные различия. И, например, в забвении этого заключается вся мудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений» *.

Впрочем, все это с такой исчерпывающей полнотой и отчетливостью выражено в «Анти-Дюринге», что, если бы это предположение не было таким чудовищным, пришлось бы спросить, уж нет ли «заговора молчания» против старого Энгельса **.

«Однако политическая экономия, — пишет Энгельс, — как наука об условиях и формах, в которых различные человеческие общества, производили и обменивались и в которых сообразно этому распределяли продукты, — политическая экономия в таком объеме *еще только должна быть создана*. То, чем мы до сих пор обладаем из экономической науки, *ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начинается критикой остатков феодальных форм производства и обмена, раскрывает необходимость их замены капиталистическими формами*, затем развивает законы капиталистического способа производства и соответствующих

* К. Marx. «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Einleitung, Stuttgart, 1907. стр. XV – XVI.

** «Но мы не считаем ни рабочих (хотя бы и слабо развитых), ни учащихся «небогими» (убогими калеками), мы не думаем, что им «не по зубам» те орехи, которые разгрызают даже беззубые старцы, мы не считаем нужным кормить их всякою завалью, всем тем, что было «почти свежим» лет 30 – 40 назад. Мы полагаем, наоборот, что им надо сообщать то, что составляет последнее достояние науки» (подчеркнуто мною. И. С.). Л. Любимов, «Азбука политической экономии», Гиз, 1924. стр. 4. Это заодно может служить примером той невыносимой болтовни, банальщины и претенциозности, которой характеризуются «Азбука» и в особенности «Курс» этого автора. Очень хорош он, когда преподносит свои «открытия» якобы «в развитие Маркса». От этих «открытий» он не пощадил даже злополучных читателей «Азбуки».

ему форм обмена с положительной стороны, т. е. с той стороны, с которой они содействуют общим целям общества, заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства, т. е. изложением его законов с отрицательной стороны, раскрытием того, что этот способ производства своим собственным развитием толкается к тому пункту, где он сам делает себя невозможным».

Итак, чем была и остается до настоящего времени политическая экономия?

Была она теорией развития капитализма из феодализма, теорией «радостей и горестей» капитализма: его возникновения, развития и неминуемого крушения.

Чем *должна* быть политическая экономия, что она *должна* дать?

Она должна дать теорию не какой-либо отдельной эпохи экономического развития, а теорию движения и смены *различных* общественно-экономических формаций; их возникновения, развития и причинно-необходимого замещения другими экономическими формациями, развития одних экономических форм из других.

Внимательнее вчитаемся в только что приведенную цитату и сопоставим ее с предыдущими и последующими замечаниями Энгельса, которых я не привожу потому, что 1) нельзя же переписывать всю главу и 2) читатели-марксисты и без того сумеют раскрыть в дальнейшем обычный для Энгельса и Маркса ход мыслей. Мы видим, что Энгельс бросает здесь поразительно яркий свет *на историю политической экономии, как науки*.

Вы говорите, что политическая экономия становится и остается наукой лишь постольку, поскольку она ограничивает себя изучением внутренних закономерностей и внутренней логики абстрактного капитализма? Пустяки! Сущая метафизика! Для *своего времени* наукой была классическая политическая экономия, которая, действительно, исчерпывала свои задачи тем, что развивала исключительно законы капиталистического способа производства и соответствующих форм обмена, да и в этих-то законах видела единственно их положительную сторону — именно ту сторону, что они согласуются с общими интересами общества. Эта политическая экономия замечала остатки феодализма, но рассматривала их, как какой-то посторонний нарост, препятствующий капитализму, этой единственно «естественной» для человечества форме экономических отношений, излить на человечество все свои благословения.

Когда капиталистический способ производства оставил позади себя значительную часть своей восходящей линии и когда в ворота уже постучал его преемник и могильщик, политическая экономия, как наука, сделалась невозможной для буржуазии. Экономисты-классики вымерли и сменились вульгарными экономистами.

В то же время развертывалась критика капитализма в двух направлениях. С одной стороны, появляются социалисты, которые, видя в нищете, порождает

мой капитализмом, только нищету, взывают к чувству, к морали и справедливости. А с другой стороны, складывается научный *социализм или коммунизм*, который видит в тех же страданиях, сопровождающих капиталистическое развитие, симптом приближающегося освобождения, раскрывает, что капиталистический способ производства своим собственным развитием порождает силы, которые ведут к его гибели и к смене социалистическим способом производства и соответствующими формами распределения.

Таким образом, политическая экономия, бывшая в свой классический период идеологическим оружием буржуазии, превращается научным социализмом опять в науку, — но уже в теоретическое обоснование революционной борьбы рабочего класса. Сообразно новой эпохе и новым задачам, изменился исторический охват политической экономии. Она — уже не теория только капитализма: она кроме того 1) теория генезиса и развития капиталистического способа производства из феодального и 2) она — теоретическое исследование того, каким образом среди разлагающейся формы экономического движения складываются элементы будущей, новой организации производства и распределения.

Значит, расширение поля зрения и в ту, и другую сторону: и вперед, и назад, — и к социализму, и к феодализму. Но и это последнее расширение, теоретический охват средневековой экономики, еще недостаточно. Мы помним, как Маркс писал, что надо шагнуть дальше: надо «за средневековьем увидеть первобытную эпоху каждого народа», т. е. ввести в кругозор политической экономии теоретическое познание и первобытной экономики. И мы видим, что Маркс очень выразительно добавляет к этому: такое расширение, освобождающее нас от ослепления известной предвзятостью, *«соответствует социалистическому направлению»*. Значит, коммунист, если он хочет научно познать экономическую действительность, должен идти в таком направлении. Мы скоро увидим, что то же самое повторяет и Энгельс.

Для метафизика политическая экономия, как наука, превращается в некую застывшую «сущность». Только та политическая экономия, — говорит он, — является наукой, которая дает теорию абстрактного чистого капитализма.

Для диалектика определение (или определения) всякой науки не выводится из какой-то «идеи» этой науки, не творится произвольно в голове, «чистом эфире разума»: оно неотделимо от ее исторического развития, от ее связи с конкретными особенностями различных эпох и с теми историческими задачами, которые выдвигает и разрешает каждая эпоха. Рикардо мог определять политическую экономию, как науку об абстрактных законах капитализма: в такой ее разработке была великая сила Рикардо, это дает ему право на одно из почетнейших мест в истории нашей науки. Но классической политической экономии не оживить и не возродить. То, чем для своего времени была политическая экономия, в настоящую эпоху сделался *научный социализм*.

Обрисовав, каким образом капиталистическое развитие подготавливает «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы», Энгельс продолжает:

«Совершить это освобождающее мир дело, — в этом историческое призвание пролетариата. Открыть исторические условия этого дела и вместе с тем самую его природу, и, таким образом, привести призванный к действию, ныне угнетенный класс к сознанию условий и природы своих собственных действий, — в этом задача теоретического выражения пролетарского движения, научного социализма» («Dührings Umwälzung», стр. 306).

Вот чем для настоящей исторической эпохи сменилась, не переставая быть теоретической наукой, политическая экономия классиков.

А теперь возвратимся к прерванному изложению начала первой главы второго отдела «Анти-Дюринга» (стр. 149 – 154): каков исторический охват политической экономии, как науки.

Итак, развитие капиталистических отношений в реальной действительности начинает упираться в отрицание капиталистических отношений. И вместе с тем теоретическое утверждение капиталистических отношений сменяется в политической экономии, поскольку она остается наукой, *отрицанием* этих отношений, критикой буржуазной экономики.

«Но, — продолжает Энгельс — «чтобы с необходимой полнотой провести эту критику буржуазной экономики, недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Предшествующие ей — или еще и теперь существующие в менее развитых странах рядом с нею — формы точно так же, хотя бы в главных чертах, *должны были быть* (здесь я сознательно приношу чистоту русского языка в жертву точности перевода. — *И. С.*) исследованы и привлечены к сравнению».

Но кто же и когда это делал? — с недоумением спросят «абстрактные» теоретики, которые видят основное содержание «Капитала» Маркса в его наиболее абстрактных отделах, относящихся к выяснению законов капиталистического способа производства?*. Но спросят только потому, что они, абстрагировавшись от

* «Если уже оценивать Маркса со стороны изложения, то следует сказать, что более всего силен он там, где наименее конкретизирует, где он более абстрактен» (Н. Петров, в № 5 – 6 «Большевика» за 1924 г., стр. 97). Уж не доживем ли мы до того времени, когда с нескрываемым состраданием начнут говорить о тех отделах «Капитала», где Маркс ослабел настолько, что, опустившись с высот абстракций, унизился до изложения развития реальной техники, реального фабричного законодательства, реального первоначального накопления и т. д.? В этих глубокомысленных — в действительности до отчаяния безграмотных — попытках построения двух Марксов: «абстрактного» и «конкретного», воскресают измененные сообразно новым условиям убогонькие соображенья приснопамятного народничества об «экономической теории» Маркса, за которую они снисходительно его поощряли, и об его «исторической» или

работ Маркса и Энгельса и подгоняя их под свое собственное естество, хотят выхолостить из них все реальное содержание.

«Такое исследование и сравнение, — говорит Энгельс, — до сих пор в общем и целом производилось только Марксом (а мы добавим: и Энгельсом), и потому его (их) исследованиям мы почти исключительно обязаны тем, что до сих пор установлено теорией относительно докапиталистической экономики».

А затем, чтобы еще с большей выпуклостью показать, насколько важен этот прорыв экономической наукой исторических рамок капитализма, Энгельс коротенько характеризует экономистов классиков и определяет их место в развитии философии и науки.

«Возникнув в гениальных головах к концу XVII века, политическая экономия *в узком смысле, в ее положительной формулировке* у физиократов и Адама Смита, тем не менее — в существенном дитя XVIII века и примыкает к завоеваниям современных ей великих французских просветителей со всеми достоинствами и недостатками той эпохи. Что мы сказали о просветителях, относится и к тогдашним экономистам. Новая наука была для них не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы этих видов деятельности, а вечными естественными законами; их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении этот человек оказывается тогдашним средним бюргером, проделывающим свой переход в буржуа, и природа его сводилась к тому, чтобы фабриковать и вести торговлю при тогдашних, исторически определенных условиях».

Как мы видели в начале этой главы, Энгельс говорит прежде всего, что такое политэкономия *в широком смысле*, от ее возникновения и до научного коммунизма. Это — «наука о законах, подчиняющих производство и обмен материальных средств существования в человеческом обществе».

Теперь он выясняет, чем была политическая экономия *в узком смысле*, т. е. чем она сделалась в XVIII веке, в этот исторически определенный период своего

«историко-философской теории», над которою их, разумеется, возвышала эклектическая окрошка из самых несовместимых воззрений. По полному непониманию единого и целостного метода Маркса оба эти разграничения стоят одно другого.

развития, когда она получила *положительную формулировку*, т. е. когда в раскрываемых законах капиталистического производства видела только одну сторону: их соответствие с тогдашними интересами общества. Дитя своего века, политическая экономия у физиократов и Смита воображала, что она раскрывает законы не человеческой экономики на определенном уровне ее развития, а общие внеисторические законы, определяемые природою человека, вечно пребывающей неизменно. У этой политической экономии не было глаза к развитию, к движению, к истории, — и не нужна была ей история, если внеисторична «природа» человека, и если чисто рационалистическим путем можно построить те экономические формы, которые единственно способны во все времена обеспечить благополучие этого «внеисторического» человека, человека «вообще». Одного только не замечала эта политическая экономия: что предполагаемая ею «общая природа» человека есть в действительности «природа», сложившаяся «в тогдашних исторически определенных условиях».

Таким образом, становится ясным, что воззрения экономистов XVIII века на предмет и метод их науки определились историческими задачами, которые стояли перед буржуазией XVIII столетия, и связанными с ними общим характером науки и философии того времени, просветительской, рационалистической по преимуществу.

IV.

Переписка Маркса и Энгельса могла бы дать дополнительное подтверждение, что «Капитал» и все его отделы писались в полном соответствии с этими воззрениями на соотношение «абстрактной теории» и «конкретной истории» *. Но пора подвести некоторые предварительные итоги.

Мы уже упоминали об одной недоконченной работе Маркса, перепечатаваемой теперь в качестве «Введения» к «Критике политической экономии». Это «Введение», несомненно, набросано в 1857 г., т. е. в то время, когда писалась и «Критика политической экономии». Третий параграф «Введения» говорит о «методе политической экономии». «Христианская религия, — пишет Маркс, — только тогда оказалась способной подняться до объективного понимания прежних мифологий, когда ее самокритика до известной степени, так сказать *dynamei* (потенциально), была готова. Точно так же и буржуазная экономия только тогда пришла к пониманию феодального, античного, восточного общества, когда началась самокритика буржуазного общества» («Zur Kritik», стр. XLII). Или, — как выражается Маркс на той же страничке, — «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Намеки на высшее у низших видов животных могут быть понятны только в том случае, если само это высшее уже известно. Буржуазная экономия — ключ к античной» и т. д.

Без понимания капиталистических отношений невозможно прийти к пониманию ни феодальных отношений, ни тех форм, которые буржуазное общество получило от феодализма. «Земельная рента не может быть понятна без капитала, но капитал можно понять без земельной ренты. Капитал — все подчиняющая

* Смотрите, в частности, очень выразительные места в письме Маркса к Энгельсу от 2 апреля 1858 г., где Маркс намечает общий план «Капитала». Например: «Переход капитала на земельную собственность является в то же время историческим, так как современная форма земельной собственности есть продукт действия капитала на феодальную и т. д. земельную собственность. Точно так же переход земельной собственности в наемный труд не только диалектический, но и исторический, так как последним продуктом современной земельной собственности является всеобщее утверждение наемного труда, который затем выступает базисом всей похлебки» («Briefwechsel». И. В., стр. 265. Сравните также стр. 266 и III В. стр. 380, 383).

экономическая сила буржуазного общества. Он должен составить исходный и конечный пункт и его понятие следует развить» (при изучении, при исследовании) «раньше, чем понятие земельной собственности. После того, как то и другое рассмотрено в отдельности, необходимо перейти к их взаимоотношению».

Это — общие указания, каким образом политическая экономия, являющаяся исторической наукой *, от познания развитых отношений буржуазного общества приходила к познанию прошлых общественно-экономических формаций, и с каким теоретическим вооружением должен подходить исследователь к изучению как современной, так и прошлой экономики.

В начале той же главы (стр. XXXV и след.) Маркс показывает, каким путем *исторически* шла политическая экономия в изучении действительности, и какой метод является правильным в научном отношении. «Конкретное конкретно, потому что оно представляет совокупность многих определений, единства многообразия. Поэтому для мышления оно является процессом соединения результатом, а не исходным пунктом, хотя оно — действительный исходный пункт, а вместе с тем и исходный пункт созерцания (*Anschauung*) и представления... Абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления».

Что это значит?

Политическая экономия, — конечно, исходя из реальной действительности, наиболее общим, основным и решающим определением которой является господство капитала, — раскрывает категории капиталистической экономики в их чистом, абстрактном виде. Но таким образом она еще не приходит к завершению своей задачи, к познанию действительной экономики. Это — только ключ к познанию экономической действительности. Эти категории абстрактного капитализма надо применить к изучению буржуазного общества, как оно существует, со всеми его историческими предпосылками: надо посредством мышления *воспроизвести это конкретное*, дать его картину. В этом и заключается задача той политической экономии, которая хочет быть наукой в современную историческую эпоху **.

В последнее время мы переживаем любопытную полосу «ослепления известной предвзятостью», которая мешает понять метод «Капитала» и вместе с тем метод Ленина.

* «Как во всякой исторической науке, по отношению к ходу экономических категорий следует постоянно иметь в виду»... и т. д. («Zur Kritik», стр. XLIII).

** Сравните «Послесловие» Маркса ко 2 изд. I т. «Капитала»: «Способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение. Раз это удалось, и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед вами априорная конструкция» («Капитал», т. I, русское изд. 1923 г., стр. XLVII). Вот и говорите после этих прямых заявлений Маркса об его «абстрактно-аналитическом методе».

Начиная с элементарных кружков политграмоты и кончая коммунистическими университетами, у нас уже около четырех лет повторяют, как прочно установленную, стоящую выше всех сомнений истину, будто марксистская — и прежде всего Марксова — политическая экономия есть «теория *только* (подчеркнуто у автора. — *И. С.*) менового общества», «наука о законах товарно-капиталистического общества»; будто преступно «обязывать экономическую науку быть исторической в своем целом» и т. д. (Н. Петров, в «Большевике» 1924 г., № 5–6, стр. 92). Поистине с трогательной убежденностью вещают, будто «*абстрактно – аналитический* метод Маркса тем и характеризуется, что он адекватен тому предмету, который исследуется при его помощи, капитализму» (там же, стр. 94 и др.). И, наконец, с самым серьезным видом уверяют нас, будто Маркс «более всего силен там, где наименее конкретизирует, где он более абстрактен» (стр. 97).

Мы уже видели, каким образом Маркс и Энгельс обрисовывают действительные предмет и метод своей политической экономии. Поэтому мы сразу убеждаемся, что тов. Петров, воображая, будто он толкует о марксистской политической экономии, в действительности очень удачно характеризует, чем была политическая экономия по своему охвату и методу у *классиков*, прежде всего у *Рикардо*. тов. Петрова я привожу просто в качестве примера. Такая полоса у нас выдалась, что имя т. Петровым — легион. Надо быть очень старомодным человеком, — и надо хоть на время не думать о тех скорпионах, которые обрушатся на тебя за выступления против «ослепления известными предрассудками», — чтобы самым смиренным образом возразить: вы боретесь за прямо противоположное тому, за что боролись Маркс и Энгельс.

Метод Маркса — *диалектическое единство абстрактно – аналитического и конкретно – исторического метода*. Расщепление, раздвоение, раскол этого метода дает в одну сторону классиков (а для настоящей эпохи — Grenznutzler'ов, сторонников предельной полезности, которые, впрочем, при выведении своих «абстрактных определений» совершенно игнорируют капитализм и берут за исходный пункт абстрактнейшего «человека вообще»; зато от своих абстракций они так и не доходят до «процесса соединения», до воссоздания реального капитализма посредством мышления). А с другой стороны, путем такого расщепления мы получаем беспринципный и абсолютно бесплодный историзм так называемой «исторической школы» в политической экономии (в действительности она стоит вне политической экономии, как науки).

А вот рассуждение первой же страницы одного из самоновейших учебников политической экономии, типичное для всех многочисленных произведений этого рода, появляющихся в последнее время: «Политическая экономия является наукой, изучающей капиталистическое хозяйство. Предшествующие докапиталистические стадии хозяйственного развития ею не изучаются. Изучение этих форм хозяйства составляет предмет другой науки — истории хозяйства».

Невыразимая методологическая нелепость подобных разграничений не бьет в глаза ни авторам, ни читателям: установившаяся у нас «предвзятость» делает и авторов и читателей слепыми к подобной чепухе.

Казалось бы, чего естественнее вопрос: а неужели невозможна *история капитализма*? Или вы, возвратившись в своих определениях и методах к классикам, неосознанно идете еще дальше и склонны сказать, что у капитализма нет истории? Что он, следовательно, единственно нормальная форма экономических отношений, вытекающая из самой природы «человека вообще»? В таком случае вы абсолютно правы: такая политическая экономия должна разрабатываться исключительно абстрактно – аналитическим методом. Вот жаль только, что она перестанет быть *современной наукой*.

Будем ждать, что с такой убийственной методологией доберутся до биологии. Тогда с самым невозмутимым видом станут угощать нас таким глубокомыслием: биология — наука об общих закономерностях органической жизни в современную геологическую эпоху. Изучение прошлых стадий и развития органических форм одних в другие составляет задачу другой, «идеографической», чисто описательной науки (которая, говоря по правде, между нами, недостойна называться наукой). И при таком-то богатстве истинно мольеровских сюжетов у нас все еще нет Мольера!

Уж много раз повторяли, что Маркс сделал для обществознания то же, что Дарвин для биологии. Маркс не случайно и в своих работах, и в переписке с Энгельсом и другими снова и снова возвращается к Дарвину. Выше мы видели, между прочим, как поражен был Маркс, когда он лишней раз убедился, что в «человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии». И Маркс и Энгельс, отмечая кое-что слабое и недостаточное у Дарвина, тем не менее не могли не радоваться, так как Дарвин применил к биологии тот же метод, который оба они стали применять к обществознанию еще полутора десятками лет раньше.

В самом деле, какой метод применяется Дарвином в его «Происхождении видов»? «Индуктивный» или «дедуктивный»? Нет, ни тот, ни другой, — или, вернее, и тот, и другой. Дарвин, сам не подозревая этого, дал блестящий пример того, как плодотворно для биологии применение того метода, который представляет *диалектическое единство индукции и дедукции*. Только область-то Дарвина относительно проще, и только нет в нем той титанической силы, которая превратила «Капитал» в такое целостное произведение.

Небольшой нюанс разделения «абстрактного» Маркса и, к его вреду, «конкретизирующего» Маркса представляет такое воззрение; все-таки суть «Капитала» — в его абстрактнейших отделах, например, в главах I – VII, XIV – XVI первого тома, во втором томе, за малыми пятнающими его исключениями, и т. д. А остальное, презренное «конкретное», — это почти внешний придаток, механически связанный с существенным содержанием «Капитала», ну, «иллюстрации», своего рода картинки, которыми увлекают малых ребят от политической экономии. Одно слово, «история» в противоположность чистой «теории», которая строится абстрактно-аналитическим методом».

Но странный человек был этот Маркс. Он не понимал, в чем он «более всего силен», и, неособенно огорчаясь тем, что в сущности попортил I том «Капитала» своими «историческими экскурсами», вводящими от чистой теории, хотел сде-

лать то же самое и с III томом. По крайней мере, так рассказывает Энгельс в предисловии к этому тому:

«Для отдела о земельной ренте Маркс в семидесятых годах предпринял совершенно новые специальные изучения. В продолжение нескольких лет он изучал в подлинниках... русские статистические исследования и другие издания о земледелии, доставлявшиеся ему русскими друзьями с желательной полнотой, делал из них выписки и намеревался воспользоваться ими при новой переработке этого отдела. При разнообразии форм землевладения и эксплуатации земледельческих производителей в России в отделе о земельной ренте Россия, должна была играть такую же роль, какую играла Англия в первой книге, при исследовании промышленного наемного труда. К сожалению, ему не удалось осуществление этого плана».

Что же, эти материалы требовались Марксу для «иллюстраций» общих законов капитализма? Нет, после того, что мы слышали от самого Маркса о соотношении конкретного и абстрактного, об использовании «абстрактных определений» для «воспроизведения конкретного посредством мышления», мы скажем, что он считал их необходимыми для общетеоретического познания современного ему капитализма.

И здесь же я могу сообщить великую новость: тот план, который, к сожалению, не был осуществлен самим Марксом, осуществил через четыре — пять лет по выходе III тома достойный продолжатель Маркса. Это сделано Лениным в «Развитии капитализма в России».

И вот тут-то я позволил бы себе почтительнейше обратиться с одним вопросом к «абстрактным экономистам». Итак, политическая экономия остается наукой до тех пор, пока она изучает «капиталистическую форму общества» и пока применяет для ее изучения абстрактно-аналитический метод. Неужели же вам невдомек, что вы таким образом выбрасываете из области вашей науки значительную часть работы Ленина, одного из величайших экономистов? Куда вы приткнете его «Развитие капитализма в России», его изумительные по теоретической глубине работы о наших аграрных отношениях? Недостаточно гладко острижен для вашей чистой науки даже его «Империализм», не говоря уже о такой книге, как «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Что вы тут будете делать? Сунете где-нибудь к «описательной» или к «прикладной» экономии?

Такая-то путаница и такие-то конфузы получаются для тех, кто политическую экономию, какой она была в *одном* из периодов своего развития, выдает за политическую экономию *вообще*, за всю экономическую науку, и методы, вытекавшие из конкретных, из исторических условий того периода, отождествляет

с методами этой «абсолютной экономической науки», не видя ее связи ни с общим движением общества, ни с общим развитием науки. Одна наука и одни методы, когда капитализм поднимался по восходящей линии развития, и совсем иные, несмотря на связь преемственности с классической экономией, когда капитализм так ярко выявляется в своем «загнивании». Одна наука и одни методы в XVIII веке, чуждом идее развития, — и другая наука, другие методы в век Маркса и Дарвина.

С точки зрения *марксистской* политической экономии вопрос о месте Ленина в развитии этой науки решается просто и быстро, без всяких натяжек. Конечно же, Ленин становится рядом с Марксом, как *теоретик*, заслуги которого в выяснении современной мировой экономики мы начали глубже оценивать после его смерти, но все еще не оценили в достаточной мере. И Ленин представляет для нас пример такого же органического соединения абстрактно-аналитического метода с конкретно-историческим методом, какое мы открываем в работах Маркса, если не хотим обкарнать его под Рикардо.

Ну, а как же быть все-таки с «абстрактной теорией» и с экономической «историей»? Не смазывается ли всякая разграничительная черта между ними? Совершенно пустой вопрос! Все зависит от конкретных обстоятельств: не только от характера работы, но и от особых задач исследователя, и от того места, какое та или иная работа занимает «в пространстве и времени». Если рассматривать некоторые главы I тома «Капитала» *вне* их связи с целым, они окажутся изумительно написанными очерками по *истории* техники, применения женского и детского труда, по истории первоначального накопления, фабричного законодательства и т. д. Но в то же время они так глубоко, органически спаяны со всем содержанием капитала, что вместе с абстрактнейшими главами ведут к основной цели: к познанию законов развития капитализма, как он возник и вырос в реальной действительности со всеми его историческими предпосылками.

Или возьмем из III тома «Капитала» главу 47: «Генезис капиталистической земельной ренты». Она *завершает* отдел о земельной ренте и дает пример применения абстрактных определений, полученных посредством «абстрактного анализа» основных форм ренты в капиталистическом обществе. При всей своей краткости эти замечания бесценны для познания того, каким способом капитал овладевал — только еще овладевал и *овладевает* — деревенскими отношениями. Они устанавливают целый ряд законов, относящихся не только к промышленно-капиталистической, но и к торгово-капиталистической и даже к еще более ранним эпохам. Они заставляют повторить за Энгельсом, что, действительно, мы бесконечно обязаны Марксу (и Энгельсу) за то, что до сих пор установлено *теорией* относительно добуржуазной экономики. И всякий, кто перечитает эту главу, а затем вспомнит «Развитие капитализма в России» и ряд других работ Ленина об аграрных отношениях, глубже поймет, чем обязана Марксу и Ленину *наука политической экономии*.

Если политическая экономия, действительно, наука о законах развитых капиталистических отношений, и если только то составляет ее действительное при-

обретение, что добыто абстрактно-аналитическим методом, то надо будет признать, что этой наукой Ленин занимался только в 90-х годах прошлого века, а с эпохи «Искры» совершенно ушел в область «прикладной» или «описательной» экономики. Не так ли?

Профессорского глубокомыслия и, профессорских колпаков надо искать не только в германских университетах, и ученейшие бонзы водятся не только в Китае.

V.

Всякий непредубежденный читатель согласится, что вопрос о задачах, предмете и методе марксистской политической экономии не должен был бы возбуждать никаких споров: так ясно он решается и общим характером работы Маркса и Энгельса, и их прямыми заявлениями. Что касается предубежденных читателей, которые, действительно, «известной предвзятостью» ослепили себя, для них все будет недостаточно доказательно.

Тем не менее бесполезно будет произвести дополнительную проверку: посмотреть, в каком виде представлялось это дело Ленину.

Правда, работ, посвященных специально методологии политической экономии, мы у него не найдем. Он не разглагольствовал о методе: он с несравненным блеском применял метод Маркса к раскрытию и выяснению условий революции в современной экономике.

Тем не менее мы найдем у него многочисленные замечания по интересующему нас вопросу. Нисколько не претендуя на полноту, приведем некоторые из них.

В 1913 г. Владимир Ильич написал для словаря Граната статью о К. Марксе. При словарной сжатости этой статьи она поражает ясностью, отчетливостью, глубокой продуманностью буквально всякой строки, всякого выражения. Когда мы дойдем до издания собственной «Энциклопедии», мы не сумеем сделать ничего лучшего, как просто *перепечатать* эту статью, дополнив ее, может быть, некоторыми библиографическими данными, появившимися после 1913 года.

Излагая содержание первых, абстрактнейших глав 1 тома «Капитала», переходя в частности к тому анализу *формы стоимости и денег*, который дан Марксом, Ленин пишет:

«Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение *исторического процесса* (подчеркнуто, как и выше, Лениным) развертывания обмена, начиная с отдельных случайных актов его... вплоть до всеобщей формы стоимости».

Начинающие изучать «Капитал» обычно и не подозревают, что простая форма стоимости, с анализа которой начинается первая глава, характеризует целую эпоху экономического развития, и что ее господство можно еще и теперь наблюдать в некоторых областях земного шара. Их окончательно запутывают и сбивают с правильного пути те конкретные товары, которые у Маркса обмениваются один на другой в случайном акте обмена: 20 арш. холста — 1 сюртуку. Мысль читателя успокаивается: ясно, что это чисто «воображаемый», измышленный, насквозь «фиктивный» пример, который Маркс «выдумал», «абстрагировавшись» от реальной действительности. И вся единичная форма стоимости — не выражение громадного куска исторической действительности, которая еще не окончательно ушла в прошлое, а вольная выдумка, которая просто, «иллюстрирует» один несомненный факт: я отдаю в акте обмена вещь, которая не представляет для меня потребительной стоимости, и т. д.

И те экономисты, которые не пускают политическую экономию за пределы капитализма, по-своему совершенно последовательны, если они запросто выбрасывают все формы стоимости, кроме денежной: ведь и простая, и развернутая, и отчасти даже всеобщая формы стоимости выводят нас в такие исторические эпохи, когда не было не только «сюртука», но и «холста»; когда люди ходили голыми или в невыделанных звериных шкурах, — и когда не пахло не только капитализмом, но и простым товарным производством.

Эти формы сами по себе, независимо от всего остального, опрокидывают утверждение, будто политическая экономия исследует только законы капиталистических отношений, и что ее метод только абстрактно-аналитический. А между тем Маркс ясно сказал, какое значение придавал он именно этим примитивным формам обмена. Подходя к их анализу, он пишет: «Нам предстоит здесь исследовать вопрос, который *буржуазная политическая экономия* даже не пыталась поставить, — именно *показать возникновение* денежной формы, т. е. *проследить развитие* того выражения стоимости, каким является отношение стоимости товаров, от его простейшей, наиболее скромной формы и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег» (отдельные места подчеркнуты мною. — *И. С.*).

Выходит, таким образом, что, оставаясь в пределах капиталистических отношений, мы не можем раскрыть загадку денежной формы, что за ее объяснением нам приходится спуститься к *экономике дикарей, что без истории денег нет их понимания*. А ведь если какая-нибудь форма обмена и адекватна капитализму, так именно денежная. И если даже ее нельзя объяснить исключительно из самих капиталистических отношений, что же можно объяснить, не покидая почвы этих отношений?

Некоторые «абстрактные» экономисты милостиво включают в свои руководства развитие форм стоимости в виде «исторических экскурсов», насильственно вдвинутых в основное содержание. Но этим они только показывают, что не умеют свести концов с концами и что у марксистской экономической науки есть своя логика.

Возвращаемся к статье Ленина о Марксе.

Сжато изложив, каким образом, Маркс изучает *исторический процесс развёртывания обмена* от простой до денежной формы, Ленин продолжает:

«Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, при чем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») *в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства*» (подчеркнуто мною. — И. С.).

Форма изложения абстрактна и *кажется* иногда чисто дедуктивной. Но в действительности она воспроизводит гигантский исторический материал. И материал этот относится не только к капиталистической эпохе: он охватывает и возникновение обмена, и дальнейшие его ступени, между прочим и простое товарное производство, которое еще не вводит нас в развитые капиталистические отношения. Всякий согласится, что это — точная характеристика действительного содержания первых трех глав «Капитала». И всякий раз увидит, что Ленин утверждает здесь то же самое, что Маркс в «Послесловии» ко 2 изд. 1 т. «Капитала»

Конечно, все это необходимо для понимания современного *капитализма*, потому что господство капитала — основная характеристика современной экономики. Но это бесконечно далеко отстоит от объяснения капитализма из него самого или, употребляя слишком неосторожные выражения тов. Петрова («Большевик» 1924 г., № 5 – 6, стр. 96), от «политической экономии, как теории капитализма, изучающей капитализм на основе им самим создаваемых отношений». Маркс и Ленин никогда не опрокидывали элементарнейших требований диалектического метода, что было бы неизбежно, если бы они трактовали экономические вопросы так, как требует тов. Петров.

Едва ли есть необходимость доказывать, что коммунисты строят свою программу на научном фундаменте. *Научное обоснование нашей программы* — в нашей политической экономии *.

Марксистским соотношением нашей программы и нашей науки в сущности уже предопределяется, что такое наша политическая экономия, каковы ее задачи, предмет и метод. В этой связи материалы к выработке нашей программы 1903 года, впервые опубликованные в «Ленинском сборнике», т. II, приобретают громадный *теоретический* интерес.

При выработке программы, главным образом, именно ее вводной, *теоретической* части, наметились существенные разногласия между Лениным и Плехановым. Вдумываясь в них, мы раскрываем, что именно эти разногласия развер-

* Сравн. заключительное слово Ленина к решениям о программе на VIII съезде РКП (Стенографический отчет, стр. 88 – 89).

нулись впоследствии в *противоречия между Коминтерном и II Интернационалом*.

Приведем некоторые замечания Ленина на плехановский проект программы.

Ленин возражает против того, будто в современном обществе «рост неравенства порождается только ростом эксплуатации наемного рабочего». В действительности, говорит Ленин, «он порождается: 1) *экспроприацией мелкого производителя* +2) *обнищанием мелкого производителя* +3) ростом эксплуатации +4) ростом резервной армии» (стр. 26).

Подчеркнутыми у меня пунктами Ленин говорит: вы забываете, что в реальной жизни еще происходит первоначальное накопление, и еще сохранились мелкие производители; нищающие под ударами капитала, но еще не превратившиеся в наемных рабочих.

Поэтому в своем проекте программы Ленин пишет следующие слова:

«Ближайшие цели русской социал-демократии значительно видоизменяются однако тем, что многочисленные остатки *докапиталистического, крепостного* (подчеркнуто мною. — *И. С.*) общественного порядка задерживают в сильнейшей степени развитие производительных сил, делают невозможным полное и всестороннее развитие классовой борьбы пролетариата, принижают жизненный уровень трудящегося населения, обуславливают азиатски-варварские формы эксплуатации и мучительное вымирание многомиллионного крестьянства» (стр. 45, 51).

Плеханов составил второй проект программы, — и Ленин начинает свои замечания на него следующими словами:

«Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект неприемлемым, я считаю весь тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а *Prinzipienerklärung*» (провозглашение принципов), «это скорее программа *для учащихся* (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме» (стр. 65).

Запомним: говорить *о капитализме вообще* — это достаточно для учащихся *первого курса*. На следующем курсе экономист должен говорить о реально существующем капитализме, используя для его понимания крайне важные знания, полученные на первом курсе.

Резюмируя свои возражения, Ленин еще раз указывает на такие недостатки проекта Плеханова:

«Крайняя *абстрактность* многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций».

«Отстранение и затемнение вопроса о специально-*русском капитализме* – особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым объявлением войны именно русскому капитализму» (стр. 86).

Затем Ленин повторно резюмировал, что именно делает для него проект Плеханова неприемлемым. Он отмечает следующие недостатки:

«По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, *борющегося* против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического *учебника*, посвященного капитализму вообще».

«В особенности непригодна программа для партии *русского* пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма. Необходимо это тем более, что русская программа не может быть в этом отношении одинакова с европейскими; эти последние говорят о капитализме и буржуазном обществе, не указывая, что эти понятия приложимы и к Австрии, и к Германии и т. п., ибо это подразумевается само собою. По отношению к России этого подразумевать нельзя».

«Отделаться же тем, что капитализм «в развитом своем виде отличается *вообще* такими-то свойствами, — а в России капитализм «становится преобладающим», значит *уклониться* от того конкретного обвинения и объявления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее.

«Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма. (стр. 88 – 89).

В высокой степени знаменательны возражения Плеханова. Он полагает, что если исполнить пожелания Ленина, то придется, чего доброго, «дать **неверную** (подчеркнуто у Плеханова) характеристику капитализма, так как русские экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма» (стр. 94).

Вот это — вполне последовательное применение «абстрактно-аналитического» метода, вот это — полное его торжество. Но вместе с тем — и непреднамеренное доведение до абсурда.

Теперь, когда мы — секция Коминтерна, мы говорим: как передовой отряд борющегося пролетариата, ведущего за собой крестьянство и колониальных рабов капитала, мы должны самым недвусмысленным образом изложить обвинение **современного капитализма**, объявление войны современному капитализму, всему его разрушительному хозяйничанью в метрополии и колониях. Наша теория, — как прекрасно выразился Ленин, — «прежде всего и больше всего **руководство к действию**» (стр. 353. Так подчеркнуто у Ленина). Мы — не студенты первого курса. Не с «капитализмом вообще», не с абстракциями объективно мы должны иметь дело, какое бы колоссальное познавательное значение они ни имели. Наша задача теперь — и все изучение реальной экономики показывает, что это именно задача, поставленная историей к осуществлению — в том, чтобы мобилизовать массы на борьбу «против весьма реальных проявлений, весьма определенного капитализма» *.

Нет, — отвечает в настоящее время II Интернационал, — обрисовав капитал в эпоху его гниения, т. е. обрисовав мировой капитал, каким мы его знаем и каким он сложился, вы даете **неверную** характеристику капитализма, так как «современные экономические отношения далеко не обладают еще всеми типическими чертами развитого капитализма». Вы — азиаты, вы — восточные социалисты. И первая задача вашей партии — сделаться европейцами по своим воззрениям и тактике.

Не случайность, что для всех теоретиков II Интернационала (может быть, за исключением только Каутского, бессильного свести свое жалкое настоящее со многими элементами своего прошлого) политическая экономия — наука о законах развитого капитализма и что ее метод — абстрактно-аналитический.

Они скажут, что и их политическая экономия обосновывает их «программу», и что программа — тоже их «руководство к действию». И это руководство — наиболее совершенное, так как оно точно фиксирует момент, когда должна

* Ударная формула Ленина: «руководство к действию» поразительно напоминает уже известные нам слова Маркса, которых Ленин в 1917 году не знал, так как тов. Рязанов только летом 1924 г. опубликовал отрывок из «Немецкой идеологии»: «Коммунизм для нас **не состояние**, которое должно быть установлено, **не идеал**, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом реальное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь налицо предпосылок». Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к речам Владимир Ильича на VIII съезде, — да и ко многим другим его речам. См. также первый тезис Маркса о Фейербахе.

наступить пора действий. Это — тот момент, когда реальная экономика «верно» воспроизведет все типические черты «умопостигаемого» развитого капитализма.

Подождать надо, пока реальные капиталистические отношения не созреют до того уровня, который предусмотрен нашими учебниками первого курса «о капитализме вообще».

VI.

В последние годы у нас признано аксиомой, будто марксистская теоретическая политическая экономия изучает чисто экономические закономерности товарно-капиталистического общества, или, в еще более суженной формулировке, «слепые законы рынка». И обычно принимают на веру, что Маркс обосновал такой взгляд на политическую экономию в конце II главы I тома «Капитала», на страницах, раскрывающих «товарный фетишизм и его тайну».

Между тем из содержания этого параграфа с непреерекаемой несомненностью следует, что фетишизм — то явление, что общественные отношения выступают в вещной оболочке, приобретают видимость физических природных свойств вещей — порождается именно в сфере рыночных отношений, и что для его раскрытия надо опуститься к докапиталистическим формам производства. Это Маркс и делает, обращаясь: 1) к построению «робинзонады», 2) к европейскому средневековью, 3) к патриархальной промышленности крестьянской семьи, 4) к союзу свободных людей.

Но курьезнее всего, что новейшие абстрактные экономисты проглядели совершенно недвусмысленные заявления Маркса. Он прямо говорит, что это *буржуазная* экономия ограничивает свой кругозор «внутренними зависимостями буржуазных отношений производства». Он *объясняет* такое сужение ее исторического захвата ее буржуазной ограниченностью: «формулы, на лбу которых написано, что они принадлежат такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, — эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собою разумеющимся, на столько же естественным и необходимым, как сам производительный труд». Наконец, он *отвергает и осмеивает* такое сужение экономического кругозора: «добуржуазные формы общественно-производственного организма третируются ею поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви *». И здесь же он приводит уже знакомую

* «Капитал», т. I., русское издание 1923 г., стр. 39 – 46, 47 – 49.

нам цитату из «Нищеты философии» об учреждениях «естественных» и «искусственных»...

Что же, в самом деле, мы должны сделаться христианскими святыми отцами или хотя бы елейными благочестивейшими попами в политической экономии? Но останется ли она после того марксистской политической экономией и вместе с тем останется ли наукой?

Чуждо было Марксу и намерение ограничивать политическую экономию изучением «слепых законов рынка». Он прямо указывает, что экономические категории, которые знает рынок, «тоже носят на себе следы своей истории». («Капитал», т. 1, русское изд. 1923 г. стр. 139). С несравненным сарказмом он говорит: «сфера обращения, или товарообмена, в рамках которой осуществляется купля и продажа рабочей силы (и которую, заметим, склонна ограничить сферу своего изучения буржуазная политическая экономия, в особенности когда она становится вульгарной экономией), — сфера обращения есть истинный эдем прирожденных прав человека. Здесь господствует только свобода, равенство, собственность и Бентам» (стр. 146. Смотрите также стр. 147).

В плане всего «Капитала» мы знаем, что означают эти бичующие слова. Вы, мелочные торговцы, идеями свободной торговли хотите представить буржуазную экономику в чистеньком виде? И поэтому вы хотите остаться в пределах рыночных отношений с их формальными свободой и равенством? А я приглашаю вас спуститься в эту сферу, *где производится сам капитал*, и вы тогда увидите, что вашими свободой и равенством прикрываются отношения беспощадного экономического принуждения. А затем мы посмотрим, как возник капитал, как он «первоначально» накапливался, и тогда убедимся, что самое его образование было *отрицанием* собственности, — экспроприацией непосредственных производителей. И в конце концов у нас получится вывод, что «свобода, равенство, собственность и всеобщая гармония личных интересов» — просто прикрытие новых форм эксплуатации, которые развились из столь осуждаемого вами феодального принуждения.

В самом деле, не таков ли общий план I-го тома «Капитала»? И не следует ли сказать, что тот, кто не понял этого плана, ничего не понял в «Капитале», — и прежде всего не понял того громадного шага, который представляет «Капитал» по сравнению с классиками, не высовывавшими своего носа из «чистых» отношений «чистого» капитализма. Между прочим для него останется загадочным, почему в подзаголовке своей основной работы Маркс сохранил название «*Критика политической экономии*». Он не поймет всей глубины, всего колоссального значения этого подзаголовка; не поймет, что им определяется действительное историческое соотношение между классиками и Марксом. Маркс, действительно, не только продолжатель, но и *критик* классиков. И это — и со стороны исторического охвата, и со стороны метода.

Не знаю, отмечали ли до настоящего времени несомненнейшую аналогию между отношением Маркса к «чисто экономическим» категориям «чистого» капитализма, к тем формальным свободе и равенству, которые господствуют

в сфере товарообмена, и отношением Маркса к политической демократии, к порождаемым ею фетишам и иллюзиям. Но в то время, как Маркс (при содействии Энгельса) успел заложить прочный фундамент критики политической экономии, он (и Энгельс) дали только гениальные зачатки критики буржуазной демократии и еще меньше могли дать для выяснения тех политических форм, которые создаст пролетариат в своих окончательных битвах с буржуазией. Эта задача нашла блестящее завершение в «Государстве и революции» Ленина, который сделал для разрушения политических фетишей то самое, что Маркс — для разрушения товарного экономического фетишизма. Маркс показал, что капиталистическая эксплуатация — прямая наследница и продолжательница феодального угнетения, что изменилась только форма последнего. Ленин раскрыл, что политическая демократия — только капиталистическая маскировка фактического рабства наемного рабочего, вуалирующая власть собственности над трудом.

Как это ни грустно, а все же приходится признать, что у нас до сих пор часто не охватывают общего построения I тома «Капитала» и *потому* разделяют в своих фантазиях «абстрактного» Маркса и «конкретного» Маркса. Между тем так легко заметить, что абстрактнейшие I и II главы настойчиво отсылают к очень «конкретной» XXIV главе «Так называемое первоначальное накопление», постоянно подчеркивают, что чистые экономические категории капитализма «носят на себе следы своей истории», и, таким образом, для полной разгадки тайны стоимости и прибавочной стоимости адресуют к «историческим предпосылкам капитализма».

I и II главы указывают, что от внешней видимости явлений от тех экономических категорий, которые мы наблюдаем в товарообмене, надо спуститься к области производства. Только тогда мы разгадаем тайну капиталистического производства: присвоение неоплаченного труда, которое, вопреки красноречию буржуазных экономистов («свобода, равенство, собственность и Бентам»), роднит его и с рабовладельческой и с феодальной системой.

Но в то же время I и II главы разъясняют, что полную разгадку капитала мы получим, если обратимся к *истории его возникновения*, что и составляет предмет упомянутой XXIV главы. Эта глава *углубляет* ту критику буржуазной экономики с ее чистенькими экономическими категориями абстрактного капитализма, которая общими штрихами намечена уже в I и II главах.

Здесь что ни слово, то удар бича по буржуазной экономике, которая в лице вульгарных экономистов *преднамеренно* закрывает глаза на реальный капитализм и на его исторические предпосылки.

«Первоначальное накопление, — говорит Маркс, — играет в политической экономике приблизительно такую же роль, как первородный грех в теологии. Адам вкусил от яблока и вместе с тем в род человеческий вошел грех. Возникновение известного явления объясняют, рассказывая о нем, как об историческом анекдоте, случившемся в глубокой древности». Эти представления, — говорит Маркс всем содержанием главы, — отвод глаз от того реального исторического факта, что капиталистическое общество построено на эксплуатации, и что капи-

талистическая форма последней есть продукт превращения феодальной эксплуатации.

Маркс отмечает дальше, что буржуазная экономия снова и снова пережевывает эти детские побасенки. Но что тут поделаешь? «Раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря, как единственно правильную для всех возрастов и ступеней развития». Но Маркс, именно как *критик политической экономии*, сейчас же продолжает: «как известно, в действительной истории крупнейшую роль играет завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие. Но в чистенькой (*sanfte* — кроткой, опрятненькой) политической экономии искони царствовала идиллия. Право и «труд» были искони единственными средствами обогащения — всегдашнее исключение составлял, разумеется, «нынешний год» (стр. 706 – 707).

Действительно, в реальном капиталистическом мире каждый «данный год» был исключением; потому что каждый год были в силе какие-нибудь законы, закрепощавшие сельскохозяйственных рабочих помещикам, каждый год посылались военные экспедиции для «открытия» новых рынков и каждый же год вызывалась вооруженная сила для расправ со стачечниками.

Ну, а в нашу, в марксистскую теоретическую политическую экономию укладывается ли эта реальная действительность капитализма и эта его реальная история? Маркс блестяще показал, что не только укладывается, но и составляет необходимейший элемент действительно *научной теории капитализма*. Не понимать этого, значит вообще не понимать «Капитала», как *критики буржуазной политической экономии*.

Еще раз повторим: чрезвычайно поучительно было бы изучить работы и речи Владимира Ильича именно с точки зрения *методологии политической экономии*. Спор этот не может решаться в «чистом эфире рассудка»: решение должно исходить и из того, чем является теоретическая политическая экономия в работах гениального продолжателя Маркса и Энгельса.

Но это могло бы составить предмет особой статьи.

А на этот раз просто отметим, что с той же точки зрения очень ценный материал дают прения VIII съезда РКП, предшествовавшие принятию нашей теперешней программы. Владимир Ильич защищал ту же позицию, что и в 1902 г. в своих возражениях Плеханову. Надо исходить из того, «что есть», из учета «действительности», а не из схематических чертежей. «Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (к среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, мы много набьем себе шишек». «В тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим. Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она неизящна ни была».

Благодаря строжайшему учету реальных условий, Ленин уже на VIII съезде предостерегал против того, чтобы мы в своих планах исходили из веры в близость западных революций. «Это *может* случиться в ближайшие месяцы, но мы

не знаем, когда это случится». И по той же причине нет никакого разрыва между Лениным 1919 года, боровшимся против товарищей, готовых в абстракции перешагнуть через все реальные препятствия, и Лениным 1921 года, который докладом о продразверстке и продналоге призвал к строительству социализма в реальных русских условиях.

В настоящее время нельзя без улыбки читать те наивности, с которыми оппоненты выступили против Ленина. Они исходили именно из абстракций: из развитого капитализма, из развитого империализма. Конечно, они тоже весело рассмеются, если вспомнят о своих «левых ребячествах» *.

Можно ли отрицать, что споры о том, какова должна быть теоретическая часть нашей программы, на что она опирается, являются в то же время спорами и о том, какова должна быть марксистская политическая экономия. Это не мертвый профессорский учебник, устанавливающий законы абстрактного «развитого» или «чистого» капитализма, которому *никогда* не суждено реализоваться, несмотря на всю помощь вождей II Интернационала. Это — научное обоснование программы борющегося пролетариата, его «руководства к действию»: к перевороту не в том капитализме, которого никогда не будет в действительности, а в современном империалистическом капитализме, как он уже существует и господствует над земным шаром.

У Маркса, Энгельса и Ленина вопрос ставится так ясно, что, на первый взгляд, кажется положительно загадочным, каким образом он мог быть до такой степени извращен и затемнен.

«Политическая экономия есть наука о законах капиталистического общества», «политическая экономия — абстрактно-дедуктивная наука»: мы можем установить годы, когда эти положения приняли у нас характер *боевых лозунгов* и очень быстро завоевали господствующее положение в наших университетах и большинстве руководств политэкономии. Это, вне всякого сомнения, *годы военного коммунизма*. Такие воззрения на предмет и метод политической экономии — всего лишь «теоретические выражения, абстракции» характернейших, типичнейших черт военного коммунизма с его «волевыми нажимами», которые должны были перенести через «пеструю мозаику действительности» и которые знают только строительный материал, предполагаемый развитыми капиталистическими отношениями.

Если экономическое развитие еще не создало чистых форм капитализма (пролетариат — буржуазия), то мы должны восполнить изъяны действительности «волевыми нажимами».

На первый взгляд, «внеэкономическое» насилие очень революционно. Но в качестве метода социалистического строительства оно революционно только как фраза.

Мы — ленинцы по своей программе. Мы все более и все сознательнее становимся ленинцами и в своей практике.

* См. «VIII съезд РКП. Стенографический отчет». М. 1919, стр. 4 – 50, 67 – 68, 70, 75, 86 – 90, 92 – 96. См. там же доклад Ленина о работе в деревне, стр. 294 – 306.

Но нам надо быть ленинцами и в теории.

Возврат в политической экономии к Рикардо, это неосознанный троцкизм в теории. Последовательный ленинизм требует, чтобы наша политическая экономия опять сделалась тем, чем она была у Маркса, Энгельса и Ленина. Наша политическая экономия должна раскрывать исторические условия освобождения пролетариата, служить теоретическим выражением его борьбы не в каком-то «умопостигаемом», а в том реальном капиталистическом мире, который существует в настоящее время.

